[От лица Адама]

— М-меня зовут К-кана А-Альберона! И я твоя с-сестра! — сказала девочка, заикаясь, ее голос был едва ли громче, чем шепот, но слова были полны решимости и смелости.

Маленькой девочке, которая стояла у моей двери, было не больше четырёх-пяти лет.

Я видел, как она смотрела на меня широко раскрытыми испуганными глазами. Ее маленькие ручки сжимали платье и плюшевого мишку, когда она неловко стояла и ждала какой-либо реакции с моей стороны.

Я хотел сказать ей правду, что я выдумал историю о том, что я был дитём Гилдартса, чтобы насолить её отцу, но слова застряли у меня в горле, когда я увидел надежду в ее глазах.

Боль разразилась в моём чёртовом...

...чёртовом сердце.

— Скажи хоть что-нибудь! — крикнула Мавис мне в ухо.

— Привет... — я слабо улыбнулся и медленно шире открыл дверь. — Н-не зайдёшь?

При моих словах Кана замерла, все ее тело дрожало, она огляделась вокруг, неуверенность и надежда заслонили ее лицо. Затем ее взгляд встретился с моим, и после секундного колебания она слабо кивнула мне и шагнула в квартиру.

— Ооооо, очаровашка! — пискнула Мавис, наклонившись к моему плечу. — Мы можем оставить ее себе?

Может б...

Эй, нет, не можем!

— М-мне нравится твой дом, — голос Каны дрожал, когда она говорила, а ее глаза нервно метались по комнате, переходя от коллекции книг на полке в гостиной к несочетаемой мебели.

Сделав этот комплимент, она продемонстрировала уязвимость, которая затронула моё сердечко — это было слишком очаровательно, чтобы я мог с этим справиться.

— Спасибо, — улыбнулся я ей и посмотрел в сторону кухни, мои мысли обратились к холодильнику и кувшину с апельсиновым соком внутри. — Хочешь сока?

— Предложи и ей печенье! Все любят печенье! — с энтузиазмом прошептала Мавис.

— Может, хочешь печенье? — добавил я.

Кана посмотрела на меня и кивнула.

Я прошёл на кухню и быстро налил стакан апельсинового сока, взял его в руку, взял тарелку с шоколадным печеньем и поспешил с обеими предметами утвари в гостиную, чтобы найти Кану, тихонько сжавшуюся в углу моего дивана.

— Сок и печенье, как и обещал, — улыбнулся я, протягивая ей напиток и тарелку с печеньем.

— М-м, спасибо, — тихо сказала Кана, взяв в руки стакан и тарелку.

— Обними ее! — прошептала Мавис, летая по гостиной.

Возможно, Мэвис, возможно.

Я честно не знал, что делать сейчас, это была совершенно неоткрытая область для меня. Я очень мало знал о прошлом Каны, кроме того, что Гилдартс не знал о ее существовании большую часть ее жизни.

Ее мама жива?

Или же она уже умерла и вместо того, чтобы вступить в гильдию, решила сначала обратиться ко мне, поскольку большинство приняло меня за ребенка Гилдарта благодаря моей продуманной шутке?

Не зная, что делать, я затаил дыхание, глядя на девочку передо мной, чувствуя яму в животе, когда она ела печенье, которое я ей дал.

Я не мог просто отделаться от этого чувства.

Мне нельзя было спешить, но…

— Где твоя мама? — тихо спросила я, мой голос едва нарушал тишину в комнате.

— Дома, — ответила Кана едва слышно, ее голос слегка дрожал от волнения, а глаза метались по комнате в поисках чего-то.

Понятно.

Я почувствовал облегчение.

Ее мама была еще жива, но это ненадолго. Это я понял по тону, которым говорила Кана. Похоже, Мавис тоже заметила.

— Он… живет с тобой? — Кана нервно сцепила руки вместе и сделала короткую паузу, оглядывая комнату, избегая зрительного контакта, пока она робко шептала свой вопрос.

— Неа, я один живу, — ответил я.

Мавис скрестила руки и откинулась назад, ее обычно весёлое лицо стало прямым и серьёзным: — Может ты хочешь познакомиться с её мамой?

Я согласился.

Возможно, я мог бы что-то сделать для нее, я не был Уноханой в этом вопросе, но даже, несмотря на отсутствие у меня навыков в целительском искусстве шинигами, оставался шанс, пусть и ничтожный, что я мог бы что-то сделать.

— Кана, ты не против, если я познакомлюсь с твоей мамой? — мягко спросил я.

Взгляд Каны метался между моими глазами и землёй, и я видел неуверенность в ее выражении, страх и что-то еще, чего я не мог понять. Она немного сдвинулась, прежде чем наконец слегка кивнула мне.

Я улыбнулся.

—•——•——•——•——•——•——•——•——•—

Я шёл с Каной, пока она вела меня к дому ее мамы. Пока мы шли, она то и дело с любопытством поглядывала на меня, как будто хотела что-то сделать, пока в конце концов она робко не просунула свою маленькую руку в мою.

В этот…

В этот момент моё сердце окончательно растаяло.

Следующие несколько минут мы шли по хорошо утоптанной дороге Магнолии, пока не достигли окраины города, где вдалеке показался небольшой коттедж, изолированный от

остальных, его маленький сад обрамлял обветшалый забор и заросшие клумбы.

Кана шагнула вперёд, взялась за латунную дверную ручку и лёгким толчком открыла дверь.

Я последовал за ней внутрь, и у меня перехватило дыхание от открывшегося передо мной вида: мать Каны, ее хрупкая фигура, сидящая в инвалидном кресле, ее тонкая кожа пепельного цвета и запавшие глаза.

Она выглядела такой беспомощной, такой уязвимой…

Ее впалые щеки были смертельно бледными, а усталость на лице только усиливала мрачную атмосферу.

— Ты привела друга, милая? — голос больной женщины был лишь тоненьким ветерком, ее глаза были тяжёлыми от усталости, ее тонкая как бумага рука сжимала инвалидное кресло, когда она медленно повернула голову, чтобы поприветствовать нас с жутко хрупким, но приветливым выражением лица.

У меня не было слов.

Это было хуже, чем я себе представлял.

Намного хуже.

Я знал, что она больна, но не настолько же…

Не говоря ни слова, Кана бросилась к матери и обняла ее, которая, несмотря на хрупкое тело, которое дрожало при дуновении ветра, ответила на объятия слабой, но любящей улыбкой.

— Он мой брат… ну, знаешь, тот, о котором все говорят в последнее время, — пробормотала Кана под объятиями матери.

— Приятно познакомиться, Адам, меня зовут Корделия Альберона, — Корделия посмотрела на меня и заставила себя слабо улыбнуться, а затем перевела взгляд на дочь. — Дорогая, не могла бы ты принести мне несколько цветов из сада, пока я разговариваю с твоим братцем?

Кана помолчала мгновение, затем кивнула и вышла из комнаты, но перед этим взглянула на нас в последний раз.

— Я знаю, что ты не ребёнок Гилдартса, — заявила Корделия, ее губы разошлись в нерешительной улыбке, а глаза смягчились.

Думаю, если кто-то и должен был узнать это с первого взгляда, так это она.

Я кивнул: — В основном, это я продвигаю этот «факт».

Губы Корделии дёрнулись, и из ее горла вырвалась слабая усмешка: — Хорошо, этот тупица заслужил, — сказала она с ноткой веселья в голосе.

Я усмехнулся в ответ.

Сделав глубокий вдох, я осторожно приблизился к стоящей передо мной женщине в инвалидной коляске, и с каждым шагом становилось ясно, что даже если бы я был мастером искусства исцеления, исцелить ее было бы практически невозможно.

Вся эта сила... для чего она, если я не могу сделать нечто такое простое, как исцеление?

«Нам не обязательно лечить её, — заговорила Занрюзуки, ее голос эхом отдавался в моей голове, — нам достаточно спасти ее душу».

Я моргнул, потрясенный этими словами: «Что ты имеешь в виду?»

«Тебе просто нужно создать Гигай», - ответила Занрюзуки.

Мои глаза расширились, когда я понял, что предлагает Занрюзуки. Вместо того, чтобы пытаться спасти ее тело, что было невозможно для меня, она говорила мне спасти ее душу, поместив ее душу в искусственное тело.

Однако было легче сказать, чем сделать.

Я не был Кисуке Урахарой, я не был гением науки, я даже ещё не освоил кидо.

Я даже не знал с чего начать, как создать искусственное тело, в котором будет жить душа? Я не был врачом, я знал о человеческом теле то, что знает большинство людей, а это пугающе мало.

И у меня даже не было эксперта в этом вопро...

— Полюшка...

Она могла бы помочь мне... с ней и помощью Занрюзуки... спасение жизни Корделии было не таким уж далёким делом.

http://tl.rulate.ru/book/84296/2806129